

Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Pázmány Péter Catholic University, Faculty of Humanities and Social Sciences,
Institute of Archaeology
Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities,
Early Hungarian History Research Group

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**Материалы IV Международного Магьярского
симпозиума**

Казань – Болгар, 15–19 октября 2018 г.

**№ 6
2018**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 6 2018

*Издается при поддержке Кабинета министров Республики Татарстан
(распоряжение № 1454-р от 14.06.2018), Министерства Внешнеэкономических связей и иностранных
дел Венгрии, Института археологии Католического университета им. Петера Пазманя и
Центра Гуманитарных наук Венгерской Академии наук.*

Главный редактор:

чл.–корр. АН РТ, док. ист. наук **А.Г. Ситдиков**

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д–р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д–р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д–р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.–корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт–Петербург); **Франсуа В.**, д–р хабилитат (Экс–ан–Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.–корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.–корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный секретарь: Беспалова А.С.

Редакционная коллегия:

Ситдиков А.Г., чл.–корр. АН РТ, д.и.н. (Казань); **Боталов С.Г.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Казаков Е.П.**, д.и.н. (Казань); **Красильников П.В.** (Казань); **А. Тюрк**, PhD (Будапешт, Венгрия).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843) 210–19–76

E–mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

Published with the support of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan (Decree dated July 14, 2018 No. 1454-r), the Ministry of Foreign Affairs of Hungary, Pázmány Péter Catholic University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Institute of Archaeology and Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities, Early Hungarian History Research Group

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Sitdikov Ayrat G.**

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunnen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Executive Secretary: Bepalova Antonina S.

Editorial board:

Sitdikov Ayrat G., Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Botalov Sergei G.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Izmailov Iskander L.** Doctor of Historical Sciences, (Kazan); Kazakov Evgenii P. Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Krasilnikov Pavel V.**, (Kazan); **A. Türk** PhD (Budapest, Hungary).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Данич А. В. (Пермь, Россия) Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья.	8
Боталов С. Г. (Челябинск, Россия) Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги	13
Валиулина С. И. (Казань, Россия) Ениосова Н.В., Орфинская О.В. (Москва, Россия) Комплексное исследование материалов из погребения 7 Больше-Тиганского могильника	35
Газимзянов И.Р. (Казань, Россия) Древние венгры в антропологическом аспекте.	66
Гобунов В.В., Тишкин А.А (Барнаул, Россия) Результаты изучения эпонимного памятника Сростки-I на Алтае: возвращение к истокам и новые материалы	73
Гобунов В.В., Тишкин А.А (Барнаул, Россия) «Элитные» курганы сросткинской культуры рубежа I/II тыс. н. э. на Приобском плато	81
Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. (Челябинск, Россия) Хронология и периодизация могильника Уелги	89
Иванов В.А. (Уфа, Россия) Морфологические признаки, хронологические и географические границы <i>Magna Hungaria</i> в Восточной Европе	105
Казаков А.А. (Барнаул, Россия) Гунны на Алтае: маркеры и последствия.	112
Казаков Е.П. (Казань, Россия) К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья.....	116
Кушкумбаев А.К. (Астана, Казахстан) Источники о восточных мадьярах в Улусе Джучи.	127
Klima László (Budapest, Hungary) Eastern Religious Motifs on the Belt Mounts of Subotsi Group, Kushnarenkovo Culture and Lomovatovo Culture.	136
Матвеева Н.П. (Тюмень, Россия) О миграциях из Западной Сибири в Европу в раннем железном веке и в эпоху Великого переселения народов.	150
Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия) Поясные наборы из могильников IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. ...	157
Саболч Йожеф Полгар (Сегед, Венгрия) Историческая наука и лингвистика об этногенезе древних венгров (в свете новых венгерских исследований).....	165
Прохненко И.А. (Ужгород, Украина) Погребения кочевников X века на территории Закарпатской области Украины: проблема племенной атрибуции.....	171
Рабинович Р.А. (Кишинев, Молдова) О возможной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель в IX–X вв.....	181

Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Художественные изделия с изображением всадника Урало-Венгерского центра IX века.....	188
Рябцева С.С. (<i>Кишинев, Молдова</i>), Пескова А.А. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) К вопросу об истоках формирования набора ювелирных изделий из захоронения знатной половчанки в Балотапуста (Кишкунхалаш, Венгрия).....	194
Bea Szeifert, Veronika Csákyová, Balázs Stégmár, Dániel Gerber, Balázs Egyed (<i>Budapest, Hungary</i>), Botalov S.G. (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>), Goldina R.D. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>), Danich, A.V. (<i>Perm, Russian Federation</i>), Attila Türk, Balázs G. Mende, Anna Szécsényi-Nagy (<i>Budapest, Hungary</i>) Maternal Genetic Composition of Early Medieval (6 th -10 th century AD) Populations Lived in the Cis- and Trans-Ural and Volga-Kama Regions	202
Тельнов Н.П. (<i>Кишинев, Молдова</i>) Этнокультурная ситуация в IX веке в Нижнем Поднестровье и венгерский фактор	223
Тишкин А.А., Серегин Н.Н. (<i>Барнаул, Россия</i>) Этнокультурная ситуация на Алтае и сопредельных территориях в раннетюркское время	229
Тишкин А.А., Гобунов В.В., Фролов Я.В. (<i>Барнаул, Россия</i>) Комплексный анализ наборного пояса из Самодийского погребения VI–VII вв. на памятнике Страшный Яр-1 В Барнаульском Приобье.....	235
Attila Türk (<i>Budapest, Hungary</i>) East European Connections and Roots of the 10 Centuries Archaeological Heritage in the Carpathian Basin by the Results of the Latest Investigations.....	241
Чичко Т.В. (<i>Стерлитамак, Россия</i>) <i>Magna Hungaria</i> и ее связи с синхронными государствами Евразии	252
Балаж Шудар (<i>Будапешт, Венгрия</i>) Мадьяры в персидском географическом сочинении «Худūd ал-Āлам» (982 г.) ...	257

Хроника

Бахшиев И.И. (<i>Уфа, Россия</i>), Кряжевских А.Л. (<i>Киров, Россия</i>) Научная конференция "Археология позднего Средневековья и Нового времени в Урало-Поволжье: от археологических источников к историческим реконструкциям" (Уфа, 17–18 мая 2018 г.)	266
Список сокращений	272

CONTENS

Belavin A.M., Krylasova N.B., Danich A.V. (Perm, Russian Federation) Hungarian (Magyar) Features of the Funerary Rite of Medieval Burial Grounds of the Cis-Urals.....	8
Botalov S.G. (Chelyabinsk, Russian Federation) Ural-Altai Unity in the Funerary Complexes of Uelgi	13
Valiulina S.I. (Kazan, Russian Federation) Eniosova N.V., Orfinskaya O.V. (Moscow, Russian Federation) Interdisciplinary Study of Materials from Burial 7 of the Bolshe-Tigansky Burial Ground	35
Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation) Ancient Hungarians in the Anthropological Context.....	66
Gorbunov V.V., Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation) Results of a Study of Srostky I Site in the Altai: return to the origins and new materials.....	73
Gorbunov V.V., Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation) "Elite" Burial Mounds of the Srostkinskaya Culture of the 1 st – 2 nd Millennium AD on the Ob Plateau	81
Grudochko I.V., Gazizova S.R., Parunin A.V. (Chelyabinsk, Russian Federation) Chronology and Periodization of Uelgi Burial Ground.....	89
Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation) Morphological Characteristics, Chronological and Geographical Boundaries of <i>Magna Hungaria</i> in Eastern Europe.....	105
Kazakov A.A. (Barnaul, Russian Federation) The Huns in the Altai: markers and consequences.	112
Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation) The Issue of Characterization of Medieval Cultures in the Ural-Volga Region.	116
Kushkumbaev A.K. (Astana, Kazakhstan) Sources on the Eastern Magyars in the Ulus of Jochi.....	127
Klima László (Budapest, Hungary) Eastern Religious Motifs on the Belt Mounts of Subotsi Group, Kushnarenkovo Culture and Lomovatovo Culture.....	136
Matveyeva N.P. (Tumen, Russian Federation) Migrations from Western Siberia to Europe in the Early Iron Age and the Migration Period.....	150
Nikitina T.B. (Yoshkar - Ola, Russian Federation) Belt Sets from the 9 th -11 th Century Burial Grounds on the Vetluga-Vyatka Interfluve..	157
Szabolcs József Polgár (Szeged, Hungary) Historical Science and Linguistics on the Ethnogenesis of Ancient Hungarians (In the Context of New Hungarian Studies).	165
Prohnenko I.A. (Uzhgorod, Ukraine) Burials of 10 th Century Nomads in the Territory of the Zakarpattia Oblast in Ukraine: the issue of tribal attribution.	171

Rabinovich R.A. (<i>Chisinau, Moldova</i>) On the Possible Role of Hungarians in the History of the Carpathian-Dniester Lands in the 9 th -10 th century..	181
Rudenko K.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Artistic Artifacts with the Horsemen Image of the Ural-Hungarian Center IX Century..	188
Ryabtseva S S. (<i>Chisinau, Moldova</i>), Peskova A.A. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) On the Origins of a Jewelry Set from the Burial of a Noble Kuman Woman in Balota Puszta (Kiskunhalas, Hungary).....	194
Bea Szeifert, Veronika Csákyová, Balázs Stégmár, Dániel Gerber, Balázs Egyed (<i>Budapest, Hungary</i>), Botalov S.G. (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>), Goldina R.D. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>), Danich, A.V. (<i>Perm, Russian Federation</i>), Attila Türk, Balázs G. Mende, Anna Szécsényi-Nagy (<i>Budapest, Hungary</i>) Maternal Genetic Composition of Early Medieval (6 th -10 th century AD) Populations Lived in the Cis- and Trans-Ural and Volga-Kama Regions	202
Telnov N.P. (<i>Chisinau, Moldova</i>) Ethnocultural Situation in the 9 th Century in the Lower Dniester Region and the Hungarian Factor	223
Tishkin A.A., Seregin N.N. (<i>Barnaul, Russian Federation</i>) Ethno-Cultural Situation in the Altai and the Adjacent Territories in the Early Turkic Period.....	229
Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Frolov Ya.V. (<i>Barnaul, Russian Federation</i>) Comprehensive Analysis of a Plated Belt from a 6 th – 7 th Century Samodian Burial at Strashny Yar-1 Site in the Barnaul Ob Region.....	235
Attila Türk (<i>Budapest, Hungary</i>) East European Connections and Roots of the 10 Centuries Archaeological Heritage in the Carpathian Basin by the Results of the Latest Investigations.....	241
Chichko T.V. (<i>Sterlitamak, Russian Federation</i>) <i>Magna Hungaria</i> and its Relations with the Eurasian States of the Same Historical Period	252
Sudár Balázs (<i>Budapest, Hungary</i>) Reference to the Place of Residence of Ancient Hungarians in a Persian Geographical Source (10 th C)	257

Chronicle

Bakhshiev I.I. (<i>Ufa, Russian Federation</i>), Kryazhevskikh A.L. (<i>Kirov, Russian Federation</i>) Scientific Conference “Archaeology of Late Middle Ages and New Time in Ural-Volga Region: from archaeological sources to historical reconstructions” (Ufa, MAY 17-18, 2018).....	266
List of Abbreviations	272

УДК 902.01

**УРАЛО-АЛТАЙСКОЕ ЕДИНСТВО В МАТЕРИАЛАХ
ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА УЕЛГИ¹**

© 2018 г. С. Г. Боталов

Погребальные комплексы могильника Уелги и их реконструкции позволяют говорить о чрезвычайной синкретичности этого памятника. Эта разнокультурность складывалась и сосуществовала не одновременно. Сооружение некрополя продолжалось почти три столетия. И та картина, которую можно видеть на раннем этапе, отнюдь не схожа с культурным калейдоскопом в самом финале существования уелгинского кладбища. Именно в этом динамическом изменении этнокультурного облика населения Уелгинской долины можно воссоздать картину зарождения южноуральских народов в эпоху развитого средневековья. Полученные материалы из могильника Уелги позволяют утверждать, что стилистические группы слагают три временных и культурных горизонта. Наиболее ранний составляют погребения с южноуральскими материалами начала IX–X вв., которые располагаются в седловиной средней части могильника. Следующий горизонт составляют погребения с материалами 2-й – урало-казахстанской и 3-й – венгерской стилистических групп, относящихся к IX–X вв. и наиболее поздний горизонт представлен материалами урало-алтайской и угорской (петрогромско-юдинской) группами, относящимися к X–XI вв.

Ключевые слова: Уелги, средневековые кочевники Южного Урала, башкиры, мадьяры, кыпчаки, кыргызы, угры.

За все время исследований (2009–2017 гг.) вскрыто до 6 тысяч кв.м площади, расчищено более 80 погребений, два жертвенника, один тайник. Несмотря на то, что в 2009 году достаточно оперативно удалось остановить поисковое разграбление поверхностной части памятника, в течение двух недель удалось собрать внушительную коллекцию (до 300 единиц) артефактов, которые при самом детальном рассмотрении датировались IX–XI вв. и разделялись на несколько стилистических групп. Впоследствии эти наблюдения ярко подтвердились результатами археологических раскопок.

Стилистические группы выделялись по общей форме изделий, наличию и характеру орнамента, декоративных элементов, технологическим особенностям, что позволяет определить историко-культурные и географические ареалы их бытования. Описание их приводилось нами неоднократно в предыдущих работах. Поэтому охарактеризуем их кратко.

Стилистические группы 1 и 2 условно называемые урало-казахстанские. Предметы из стилистической группы 1 (рис. 1: 1) преимущественно не орнаментированные и не позолоченные. Общий контур прямой, волнистый. Отличительными декоративными

особенностями являются оформление псевдопестельчатых, лепестковых, когтевидных выступов; проведение нервюры или валика по центру. Отдельной категорией является бытование лунницевидных (билунницевидных) с парными выступами накладок. Эта группа хорошо известна по материалам памятников IX–XI вв. Южного Приуралья.

Стилистическую группу 2 (рис. 1: 2) составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки и наконечники ремней, аналогичные предметы из отдельных погребений кочевой аристократии Южного Урала и Казахстана. Это богато украшенные растительным орнаментом накладки, распределители и наконечники, имеющие золотое амальгамирование поверхности, соотносимые с материалами Лагеревских, Ишимбаевских, Старо-Халиловских, Каранаевских курганов Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 87–113; 1993; с. 132–135). Рассматриваемую группу можно относить к IX–X вв. Отдельные изобразительные элементы схожи с хазарской (салтовской) стилистикой (Плетнева, 1981, с. 62–75).

Стилистическая группа 3 (рис. 2: 3) условно называемая «венгерская». Предметы имеют позолоту. В орнаментальных мотивах, помимо растительного (трилистник либо

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири».

четырёхлепестковый рисунок), присутствуют зооморфный и антропоморфный. Бордюры декорировались чередующимися овалами и кружками. На сегодняшний день мы можем очертить ареал этой группы: Южное Зауралье (Уелги, Синеглазово), Южное Приуралье (Каранаево), Прикамье (Больше-Тиганский, Танкеевский могильники), Приднепровье (памятники типа Субботцев). Похожие наклейки обнаружены в развешанном погребении близ Эмбы (Бисембаев, 2003, с. 62–64); Стоколос, 1962, с. 163, 164; Казаков, 1972, с. 162–163; Бокий, Плетнева, 1988, с. 106–108; Казаков, 2001, с. 55).

Стилистическая группа 4 (рис. 2: 4) условно называемая восточно-казахстанская, алтайская. Предметы имеют толстые стенки. Выражены бортики. Развит растительный орнамент с обилием завитков, а также распространенный мотив – изображение цветка в профиль на сердцевидных накладках. Округлые наклейки с розеткой обнаружены в Гилево IV, кургане 1, Гилево V, кургане 6, Гилево VII, кургане 4 и др. (Могильников, 1981, с. 43–52).

Подобные уздечные наборы с растительным орнаментом, предметы вооружения, украшения особого характера для памятников сроткинской культуры Верхнего Приобья. Наборы конской узды из Уелгинского могильника фактически аналогичны алтайским комплексам. Предметы орнаментированы, большинство позолочены. Наиболее развита геометрическая орнаментация (линии, «сетка», их сочетание и др.), в композиционном исполнении присутствует симметрия, чередование. Растительный орнамент стилизован.

Стилистическая группа 5 (рис. 2: 5) условно называемая лесная уральская. Аналогии таким вещам встречены в памятниках неволинской культуры неволинской и сухоложской стадий, урынской стадии ломоватовской культуры. В изобразительных сюжетах распространены антропоморфные, в виде личин и человеческих фигур, и зооморфные мотивы. Кресала с антропоморфно-зооморфными мотивами известны в марийских памятниках (Голдина, Водолаго, 1990, с. 165, табл. LXVIII, 42, 43; Голдина, 1985, с. 230, табл. XXII, 31–35, рис. 16).

В настоящее время мы располагаем материалами около 50-ти сосудов (рис. 3). Они представляют собой типологический комплекс позднекушнаренковского и караякуповского облика (тонкостенность, гребенчато-

прочерченная зональная орнаментация) (рис. 3: 1). Отметим, что в полевом сезоне 2013 года в насыпи кургана 9 (в непосредственной близости от курганов 7, 8) обнаружены фрагменты сосуда кушнаренковского облика. Горшки со шнуровой орнаментацией крупногребенчатой и плоским фигурным штампом, сосуды с ушками и с большой примесью талька в тесте указывают на сильное влияние со стороны лесного, вероятно петрогромского и юдинского культурного ареала (рис. 3: 2). Следует заметить, что подобные культурные взаимовлияния кочевого и лесно-таежного населения – носителей шнуровой керамики – наблюдаются и в комплексах некоторых могильников Башкортостана.

Первая группа представлена уже упоминаемыми горшками кушнаренковского и караякуповского облика. Однако во втором случае круглодонные караякуповские горшки с резной, прочерченной, гребенчатой и плоскоштамповой орнаментацией содержат сюжеты, характерные керамике бакальско-го историко-культурного горизонта, и даже позднесаргатские (прыговские), вероятно, как самые поздние образцы. В сюжетах резной елочки наряду с бакальскими угадываются и неволинские сюжеты орнаментации. Если принять тот факт, что на позднем этапе существования могильника у населения сроткинской культуры исчезает традиция установки погребальной керамической посуды, что собственно и демонстрируется в погребениях с материалами алтайского облика (группа № 4), то становится очевидным, что керамический комплекс Уелги также подтверждает свое культурное многообразие.

Вторую составляют круглодонные и плоскодонные сосуды с характерной шнуровой орнаментацией. Несколько из них имеют ушки для подвешивания. Этот тип керамики является распространенным для населения петрогромской культуры лесного Зауралья, а также встречается в предуральских памятниках неволинской культуры Сылвенского Предуралья (Голдина, Водолаго, 1990, с. 165, табл. LIV, LVII, LIX).

Хронологические рамки существования некрополя, установленные радиоуглеродными данными, определяются диапазоном в 200 лет. Наиболее раннее погребение 16 из кургана 32 полагало радиоуглеродную дату от 803 до 842 гг., наиболее позднее – от 890 до 1040 года. Таким образом, данные радиоуглеродного датирования в сочетании с традиционными методами археологического типологического

сравнения показывают общую дату существования Уелинского некрополя от начала IX в. до середины XI в. Позднюю позицию определяют и находки серебряных арабских аббасидских дирхем чекана 911–926 гг. с отверстием для подвешивания. Эти монеты обнаружены среди подъемных сборов из кургана № 26. Учитывая длительность хождения в среде средневековых кочевников, самое раннее попадание этих дирхемов в Уегинское погребение это начало–середина XI века и, возможно, позже (рис. 4) (Боталов, Грудочко, 2011, с. 82).

На первый взгляд, погребальный уелгинский обряд демонстрирует общую типологическую схожесть, однако при детальном рассмотрении комплексов выявляются весьма важные и интересные детали. Многие продолжают оставаться непонятным и интригующим. Каждый год раскопок приносил все больше вопросов, нежели понимания. Так стало очевидным, что ни один комплекс, который составляли насыпь кургана, подкурганная площадка и могильные ямы, не походит один на другой. Были ли это семейные захоронения или какие-либо внутриродовые мемориальные сектора. Всю картину, бесспорно, смазывал факт тотального разграбления могильника. Степень его доходила до 90% от общего числа захоронений. В этой связи совершенно невозможно было установить точный половозрастной состав внутри каждого из курганов. Также трудно было определить и внутреннюю стратиграфию захоронений. В курганах других эпох иногда четко фиксируется периодичность возведения отдельных ям, так как выкид из более поздних перекрывают выкиды из более ранних погребений. В этом же случае выкид фиксировался чаще всего лишь из грабительских ям. Создавалось впечатление, что неглубокие ямы для погребений совершались прямо с поверхности, а затем, спустя какое-либо время, группы погребений от 2-х до 6-ти ям перекрывались гумусной насыпью. При этом предварительно на погребальной площадке, в относительной близости от могил, совершались жертвенные вымостки из голов и конечностей лошади.

В то же время это могли быть как выкладки костей от одной лошади, так и гигантские скопления, которые создавались из костей более двух десятков лошадей. Судя по не разграбленным погребениям и общей ориентировке могильных ям, покойники укладывались по линии З–В с отклонением (сезонными), чаще в ЮЗ, реже СЗ сектора (рис. 5).

Особым образом из этого числа погребений с ингумацией, то есть труположением, выделялись три погребения воинов-лучников, которые наудачу оказались не разграбленными (к-н 32, погр. 2; к-н 14, погр. 1; к-н 11, погр. 1). В них в обязательном порядке были обнаружены колчаны со стрелами. Вероятно там же лежали и луки, хотя доподлинно удалось обнаружить присутствие лука лишь в одном из них, где были специальные костяные накладки, усиливающие его убойность (рис. 6: 1–3).

Однако особый интерес имела группа погребений из трех курганов (1, 6, 31), где были обнаружены погребения по обряду трупосожжения. Эти курганы сразу же отличались по характеру заполнения насыпи. Они были сложены из интенсивного обожженного на стороне грунта, а в погребениях располагались лишь остатки кальцинированных костей людей и вещей покойников (рис. 7).

Ярко выделяется комплекс из кургана 31, где вместе с кальцинированными костями человека присутствовали кости черепа и ног лошади, удила и колчан (рис. 8: 5–7). В этом погребальном обряде угадывалось явное влияние традиций алтайских племен так называемой сроткинской культуры. К этой же группе, по всей видимости, относятся и более поздние погребения воинов с саблями из курганов 1 и 7, что подтверждается находками в них предметов ременной гарнитуры 4-ой (алтайской) стилистической группы. Вероятно, часто погребения относятся к кыпчакской группе (рис. 8: 1–5). Особым показателем для могил этих курганов также является отсутствие керамической посуды в них. Присутствие в этой погребальной группе сабель, колчанов с бронебойными наконечниками стрел, серебряных гривен и, наконец, частей сложного ламинарного доспеха панцирного типа, сложенного из многочисленных стальных пластин (рис. 9), невольно угадывает в ней грозных воинов кыпчаков и кыргызов, пришедших на Южный Урал из Саяно-Алтайских предгорий (в X–XI вв.), чтобы присоединить его к своим владениям. Вероятно, эта наиболее поздняя волна населения окончательно перекрывает и видоизменяет погребальную культуру Уелгов.

Трудно пока говорить о том, что вновь пришедшие обитатели Уелгинского урочища преднамеренно грабили или просто разрушали могилы уелгинцев. Хотя все указывает на то, что большая часть погребений действительно разрушалась именно тогда в древ-

ности, потому как разорители точно знали местоположение могил. При разрушении не особо заботились о содержимом погребений, на что указывает огромное число выброшенных и оставленных на поверхности достаточно дорогих по тем временам предметов. Хотя при этом кости умерших подвергались особо-му измельчению.

Эта традиция преднамеренного разграбления требует своего особого осмысления. Тем не менее, за десять лет работы на могильнике удалось исследовать значительное количество нетронутых комплексов. При этом речь идет не только о погребениях людей. Среди этого числа, как уже упоминалось выше, тайники, а также захоронения взнузданной лошади.

Первые относительно не тронутые раскопами погребения принадлежали женщине и ребенку. Так, в насыпи кургана 32, располагалось женское погребение. Разрушенной оказалась лишь нижняя его часть (ноги). Оно было совершено в верхней части насыпи и являлось впускным. Был расчищен частично разрушенный костяк, от которого сохранилась верхняя часть. Это была женщина, возрастом старше 55 лет, при которой были обнаружены остатки богатого костюма. Внимание в первую очередь привлекает головной убор (рис. 10), от которого сохранился ряд плотно расположенных билунницеvidных накладок, прикрепленных на кожаную основу и затем на берестяную полоску. Вероятно, это налобная диадема, в композиции которой прослеживается симметрия: по 16 накладок с каждой стороны, центральное место на лбу занимала гантелевидная накладка. Сверху, на бляшках, сохранился фрагмент грубого текстиля, вероятно, остатки савана, в который была обернута погребенная. У висков, на правой и левой стороне черепа, расчищено по плоской серьге. В области шеи обнаружены бусины, бубенчики и серебряная сердцевидная подвеска – остатки от нагрудного ожерелья. Комплект бус составляет 20 экземпляров: 4 костяных, 8 каменных, 8 стеклянных (2 розовых и 6 голубых).

Интерес представляет и детское погребение из кургана 32. Возраст ребенка составлял 4–6 лет. Вместе с ним обнаружен разнообразный инвентарь. На поясе был надет ремень с 6 бляшками и 4 тренчиками, порядок расположения которых удалось проследить. Пряжки не обнаружены, поэтому возможно пояс подвязывался (рис. 11: 2). На левой руке расчищен браслет, у височной части черепа –

серьга. Ниже пояса был обнаружен перстень. В ногах установлен керамический сосуд, а немного выше погребенного (справа, ближе к ногам) зафиксированы костные остатки двух мясных кусков туши лошади. Состав инвентаря (пояс с серебряными накладками, присутствие перстня, серьга) довольно определенно указывает на высокий социальный статус погребенного.

Вещевые наборы из этих погребений являются достаточно типичными для южноуральских погребений известных в некрополях Башкортостана (Лагеревский, Бекешевский, Хусаиновский курганы). Подобная диадема была обнаружена в кургане 42 Лагеревского могильника (Мажитов, 1981, с. 83, рис. 44).

Еще одной вновь выявленной новацией на могильнике является погребение коня из кургана 32. Судя по положению костяка, конь лежал на животе и немного завален на левый бок. По определению остеолога Ласло Лихтенштейна (Венгрия) конь имел возраст 3–4 года, был специально умерщвлен для захоронения, ему перерезали горло. В могиле обнаружен инвентарь, судя по которому конь был полностью снаряжен. На голову была надета уздечка, ремни которой украшены серебряными бляшками. Во рту находились удила с S-видными псалиями и дополнительным кольцом для повода (рис. 12: 1). От петли удил на щечный ремень отходило 2 бляшки и один распределитель. Ближе к вискам лежал целый ремешок с четырьмя накладками, одна из которых концевая. Полевые наблюдения позволяют предполагать, что этот ремешок был подвесным и отходил от перекрестия щечного и налобного ремней. Такое же расположение бляшек зафиксировано с левой стороны, после снятия черепа. О наличии седла свидетельствуют серебряные пластинки-скобы, украшавшие переднюю луку. Седельный набор включал также одно стремя и железную подпружную пряжку, крепившую ремень седла под животом. Стремя, вероятно, пришедшее в негодность, было отремонтировано специально для захоронения. В районе крупа обнаружено 8 серебряных блях в форме якорьков и сдвоенных лунниц, украшавших крупный ремень – по 4 с каждой стороны. Приведено два варианта расположения бляшек, однако не исключено, что они подвешивались на дополнительных ремешках (рис. 12: 3). Данный набор конской узды также является типичным для средневековых комплексов Башкортостана (Лагерев-

ский, Бекешевский, Хусаиновский курганы), которые относятся к комплексам IX века.

Стилистическая группа 3 (мадьярская) в материалах Уелгов пока представлена лишь наборами ременной гарнитуры, однако некоторые из этих находок имеют прямое сходство с экземплярами, ранее обнаруженными в погребениях Синеглазовских курганов, собранных В.С. Стоколосом, а также в знаменитом Синеглазовском погребении, обнаруженном им же. Кратко напомним результаты этих исследований.

В кургане, исследованном Стоколосом, обнаружена могильная яма с останками мужчины, одетого при захоронении в халат из расписного шелка. В могиле найдено оружие, остатки конской сбруи и поясной гарнитуры 3-й стилистической группы, которые подчеркивают высокий социальный статус покойного. В изголовье стояла серебряная чаша с гравированным орнаментом на дне. На запястье левой руки мужчины был надет серебряный браслет, а на безымянном пальце правой руки – серебряный перстень с камнем. Особой находкой является шелковый халат, который в литературе получил название «Челябинская ткань». Она изготовлена в технике точной саржи с 2 основами и 3 утками. Орнамент образуют изображения царственных всадников, следующих рядами в одном направлении. Они выполнены в синевато-зеленом цвете на коричневатом-золотистом фоне. Коня изображены в спокойном движении. Сбруи богато убраны бляхами и подвесками. Непропорционально велика фигура царя. Он одет в длинопольный кафтан, перехваченный на талии ремнем, и доходящие до щиколотки шаровары. Корпус и, вероятно, руки защищены пластинчатым доспехом. Голова увенчана зубчатой короной с навершием в виде полумесяца и шара и развевающимися лентами. В правой руке длинное копьё с 2 флажками, в левой маленький щит, на правом боку меч. По мнению А.А. Иерусалимской сюжет и стиль изображения, ряд его характерных деталей, а также технологические параметры ткани со всей очевидностью указывают на то, что она была произведена в Иране в VIII–IX вв. (рис. 13:III). (Стоколос, 1962).

Коллекция Синеглазовов включает комплект из 15 прямоугольных и 24 квадратных позолоченных блях и одного крупного наконечника ремня с зооморфным орнаментом. Комплект представляет собой две группы предметов. Первую составляют крупные прямоугольные накладки, вторую

– квадратные относительно меньшего размера. К первой группе, судя по ширине, должен относиться наконечник ремня. Все предметы позолочены, орнаментированы и, благодаря выраженному бортику, выглядят объемными. Накладки первой группы крепились на широкий ремень, которым мог быть подпрессный (седельный нагрудный). По-видимому, центральную часть ряда занимала концевая накладка с изображением фантастического животного, от которой вниз отходил ремень, соединяющийся с подпругой. Вторая группа накладок имеет ширину, характерную для ремней оголовья. Сохранился один ремешок, где две накладки прикреплены вплотную друг к другу, так что можно предположить такое же плотное расположение остальных деталей. Округлая бляшка могла занимать центральное место на переносице, либо крепиться на месте перекрестных ремней (рис. 13:IV).

Насколько мы можем заметить, синеглазовский набор конской узды явно отличается от предыдущих. Его накладки, как, впрочем, и некоторые другие предметы, найдены в Синеглазовских курганах, включая Иранскую шелковую ткань, серебряное блюдо и накладки с растительным орнаментом и другие накладки с зооморфными сюжетами, которые характеризуются как элементы постсасанидской изобразительной традиции. Эти предметы составляют стилистическую группу 3, которая соотносится с мадьярским культурным комплексом.

И, наконец, еще один сохранившийся комплект, который был обнаружен в тайнике под западной полкой кургана 29. Как и западная часть насыпи, она врезалась в естественный скальный выход. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии 3–В. В южной стороне ямы обнаружены остатки уздечного набора из 34 накладных бляшек сердцевидной формы. Другие две пары накладных блях большего размера имели сердцевидную и розетковидную формы. Недалеко от них лежал предмет в виде овальной рамки с двумя когтевидными штифтами, по всем признакам напоминающий пряжку (рис. 14: 3).

Зафиксированные *in situ* накладные бляшки позволяют восстановить основные ремни оголовья конской узды. Достоверно мы можем говорить о щечном, подбородочном, налобном и затылочном ремнях, перекрестия которых украшались розетковидными бляшками. На затылочный ремень приходилось по две бляшки, на подбородочный – по две, на налобный – по три. Указанное количество

ное распределение подтверждаются еще и тем, что нижний слой бляшек (левая сторона уздечки), лежащие перевернуто, в точности повторяли ответвления.

Наносные и нащечные ремни и их перекрестия представлены накладками, которые лежали без какого-либо порядка. Скорее всего, сочленения украшали сердцевидные бляшки большего размера. Их также найдено две, от одной утрачено более половины изделия. Пространство между узловыми (сердцевидной и розетковидной) бляшками было заполнено, скорее всего, 7 маленькими сердцевидными бляшками на каждой стороне. Лишь одна накладка сердцевидной формы с псевдопетельчатым выступом по оформлению отличалась от других и не имела пары. Возможно, она занимала центральное положение на наносном ремне. Не представляется возможным включить куда-либо пряжку. Она обнаружена на значительном удалении от скопления всех бляшек, за удилами. Возможно, как и передняя часть уздечки, она оказалась потревожена землеройными животными и вынесена. Не исключено, что с помощью нее соединялись концы подгубного ремня (рис. 14: 2).

Комплекс узды у этого тайника в целом схож с уздой в погребении коня из кургана 32. Однако сопровождающий инвентарь включает браслеты, серьгу, ажурную подвеску с зооморфным сюжетом, а также подвески с орнаментацией («игольницы») и указывают на то, что эти предметы имеют явное влияние со стороны лесного-угорского ареала. Отсюда очевидно, что неслучаен факт присутствия такого большого количества керамических сосудов со шнуровой и крупногребенчатой орнаментацией, относящихся к юдинско-петрогромскому типу, наряду с теми предметами, которые образуют пятую стилистическую группу предметов пермско-угорское

культурное своеобразие. Эту культурную ориентацию подтверждает находка накладки с изображением антропоморфных личин. Стилистически эти изображения также выполнены в традициях лесной (угорской) пластики (рис. 13: 1).

Рассмотренные погребальные комплексы могильника Уелги и их реконструкции позволяют говорить о чрезвычайной синкретичности этого памятника. Безусловно, эта разнокультурность складывалась и сосуществовала не одновременно. Напомним, что сооружение некрополя продолжалось почти три столетия. И та картина, которую мы можем видеть на раннем этапе, отнюдь не схожа с культурным калейдоскопом в самом финале существования уелгинского кладбища. Однако именно в этом динамическом изменении этнокультурного облика населения Уелгинской долины можно воссоздать картину зарождения южноуральских народов в эпоху развитого средневековья.

Насколько позволяют утверждать полученные материалы из могильника Уелги, стилистические группы слагают три временных и культурных горизонта. Наиболее ранний составляют погребения с южноуральскими материалами начала IX–X вв., которые располагаются в седловине средней части могильника. Следующий горизонт составляют погребения с материалами 2-й – урало-казахстанской и 3-й – венгерской стилистических групп, относящихся к IX–X вв. и наиболее поздний горизонт представлен материалами урало-алтайской и угорской (петрогромско-юдинской) группами, относящимися к X–XI вв. (рис. 15).

Таким образом, погребальный комплекс Уелгов содержит в своем составе своеобразный алгоритм историко-культурного развития Южного Урала начального периода формирования урало-казахстанских этносов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бисембаев А.А.* Случайные находки рубежа I–II тысячелетий с территории Актюбинской области // Известия НАН Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2003. № 1. С. 60–73.
- Бокий Н.М., Плетнева С.А.* Захоронение семьи кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. 1988. № 2. С. 99–115.
- Боталов С.Г., Грудочко И.В.* Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) // Археологія і давня історія України. Вып.7. Мадяри в Середньому Подніпров'ї. – Київ: вид. ІА НАНУБ ЦП НАНУ і УТОПИК, ЦОДПА, 2011. С. 79–99.
- Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели М.: Наука, 1972. С. 161–167.

Казаков Е.П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья / Под ред. Е.П. Казакова и др. Казань: Изд-во Мастер-Лайн, 2001. С. 53–59.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 166 с.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б. Б. Агеев. Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. С. 119–140.

Могильников В.А. Кимаки. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв.ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 43–46.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв.ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

Стоколос В.С., Курган на озере Синеглазово // АЭБ. 1962.Т. 1. С. 163–167.

Информация об авторе:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

URAL-ALTAIC UNITY IN THE FUNERARY COMPLEXES OF UELGI²

S.G. Botalov

The funeral complexes of Uelgi burial ground and their reconstruction allow us to speak of the extreme syncretic nature of the site. This multiculturalism did not develop simultaneously or coexist. The construction of the necropolis lasted almost three centuries. The picture which can be seen at the early stage is by no means similar to the cultural kaleidoscope observed at the very end of the existence of Uelgi burial ground. It is this dynamic change in the ethno-cultural image of the population of the Uelgin Valley that allows to recreate the origins of the South Ural peoples in the developed medieval period. The materials from Uelgi burial ground make it possible to assert that the stylistic groups constitute three temporal and cultural horizons. The earliest comprises burials with South Ural materials of the early 9th-10th century, which are located in the saddle of the middle area of the burial ground. The next horizon consists of burials with materials of the 2nd and 3rd groups - - Ural-Kazakh and Hungarian stylistic groups dating back to the 9th-10th century, respectively, and the latest horizon is represented by materials of the Ural-Altaic and Ugric (Petrogrom-Yudin) groups dating back to the 10th-11th centuries.

Keywords: Uelgi, medieval nomads of the Southern Urals, Bashkirs, Magyars, Kipchaks, Kyrgyz, Ugrians.

About the Author:

Botalov Sergei G. Doctor of Historical Sciences, Professor, South Ural State University. Lenin Ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

² The study was conducted with the financial support of the RFBR within the framework of the Project No. 18-59-23002 “Origins of the culture of ancient Hungarians. The archaeological paleoanthropological and paleogenetic aspect of studying the medieval sites of the Southern Urals and Western Siberia”..

Рис. 1. Могильник Уелги. Стилистические группы 1, 2

Рис. 2. Могильник Уелги. Стилистические группы 3, 4, 5

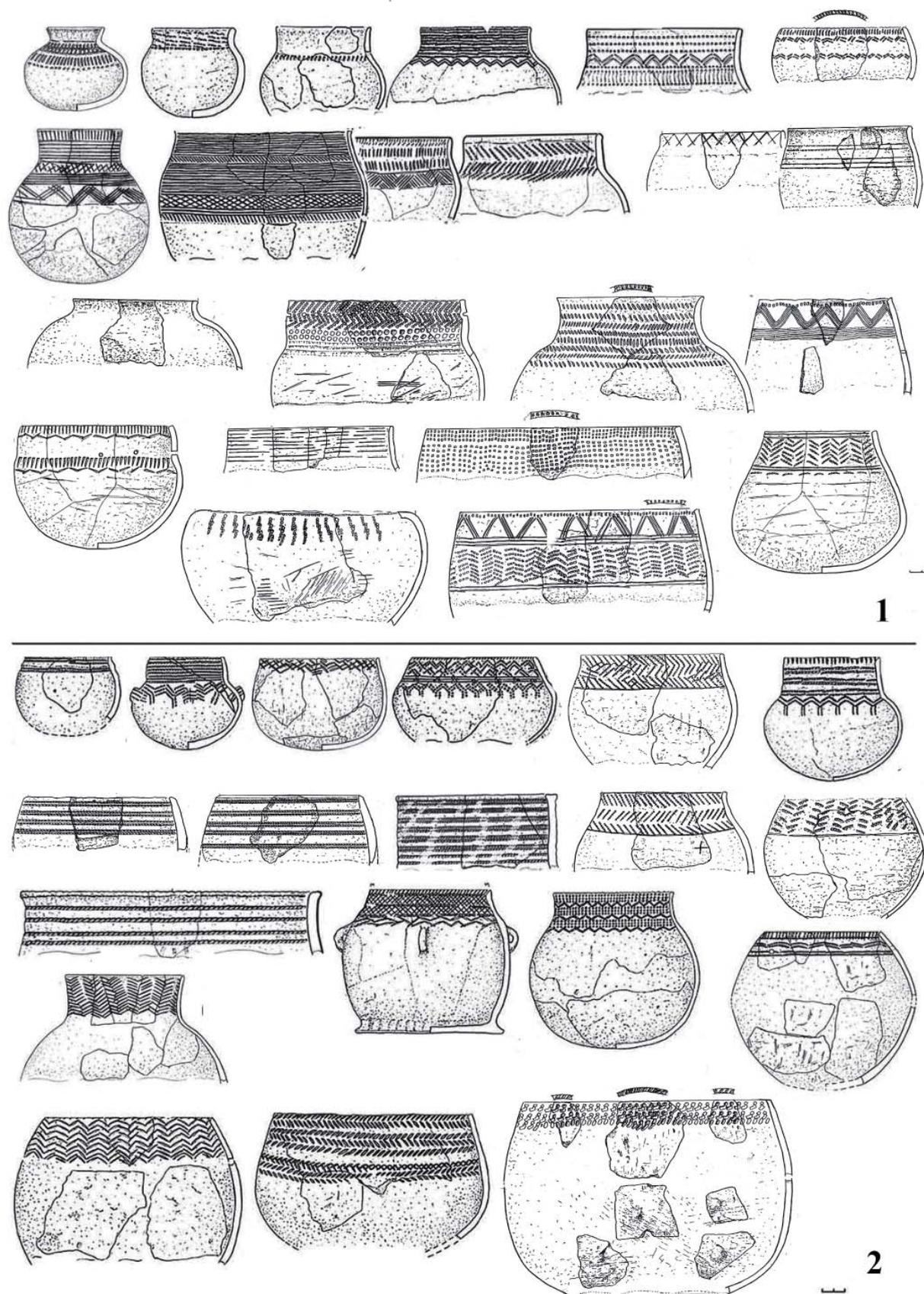

Рис. 3. Могильник Уелги. 1 – керамика кушнареновско-караюкуповского типа; 2 – керамика петрогромско-юдинского типа

Рис. 4. Могильник Уелги. Курган 26. Аббасидский динар, 911–926 гг.

Рис. 5. Могильник Уелги. Курган 29. Жертвенник

Рис. 6. Могильник Уелги.; 2 – курган 32, погр. 2; 3 – курган 11, погр. 1

Рис. 7. Могильник Уелги. 1 – курган 14, погребение 1 (лучник) 1 – курган, погребение: 2–3 – вещи из погребения и аналогии колчанных крюков; 4 – реконструкция

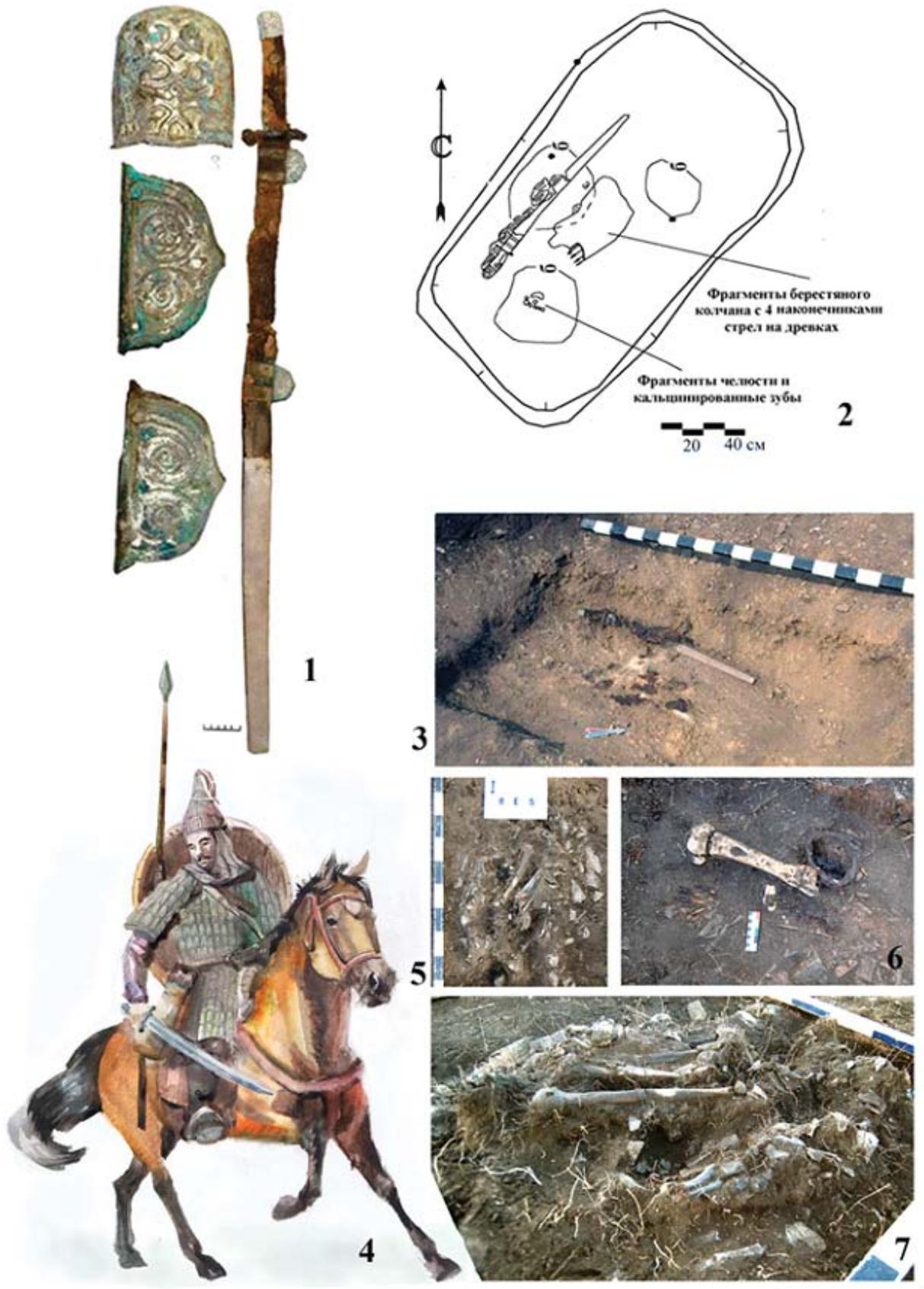

Рис. 8. Могильник Уелги. 1–3 – курган 1, погр. 5; 4 – реконструкция; 5–7 – курган 31

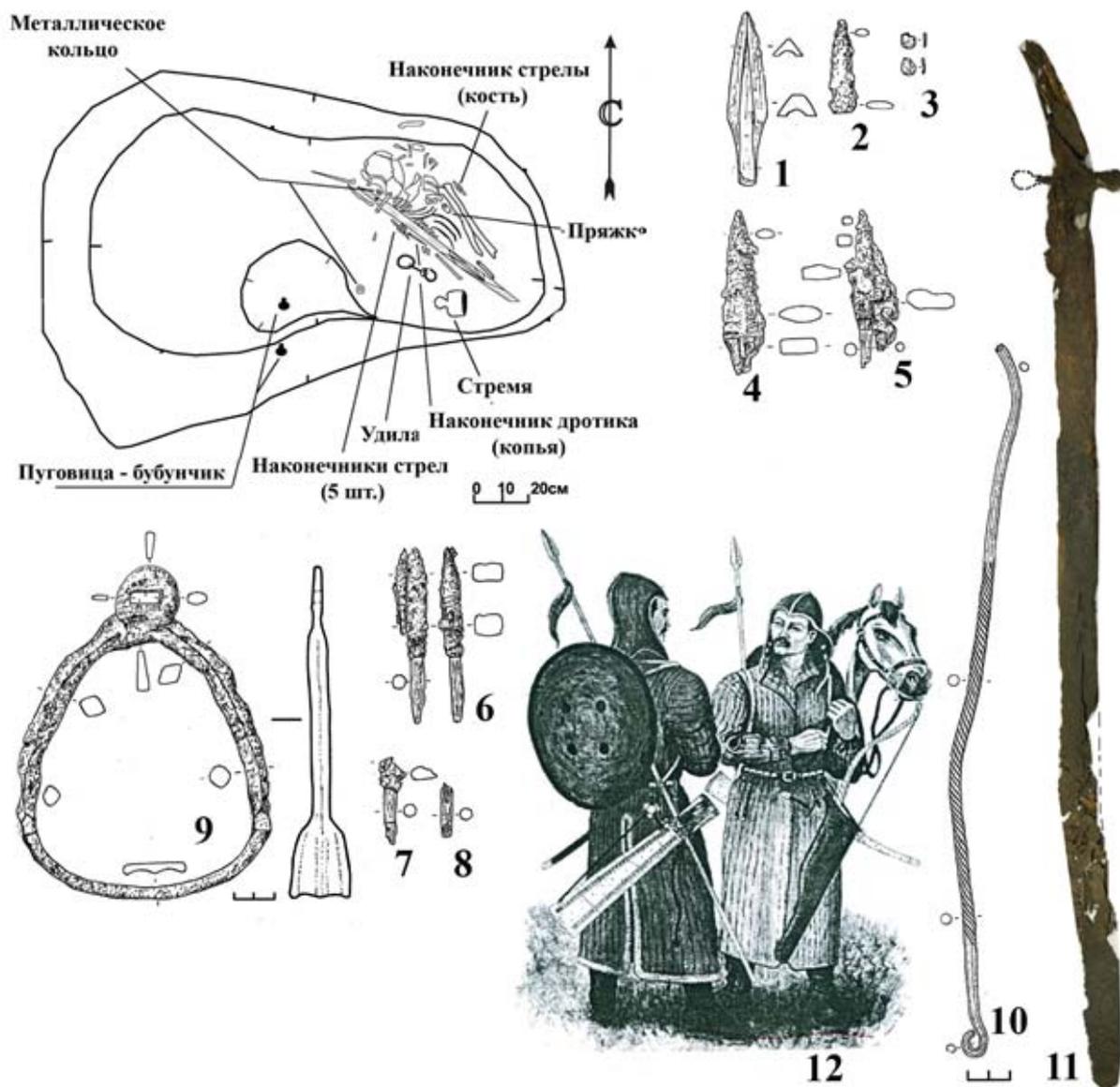

Рис. 9. Могильник Уелги. Курган 1, погребение 8. 1 – кость; 2, 4–9,11 – железо; 3 – стекло; 10 – серебро; 12 – реконструкция

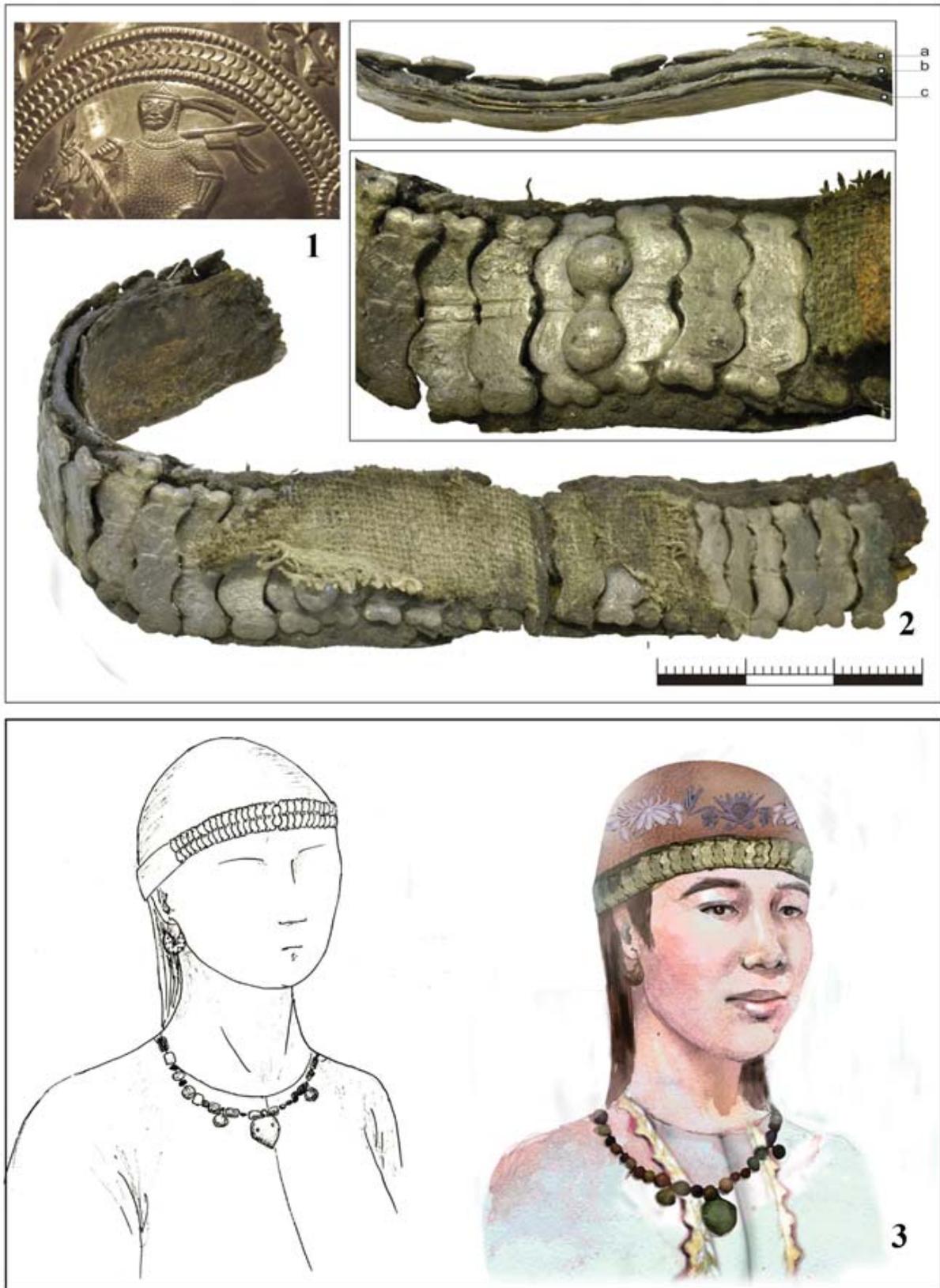

Рис. 10. Могильник Уелги. Курган 32. 1 – сюжет из Надь Сент-Миклош; 2 – налобный венчик (кожа, ткань, бронза); 3 – реконструкция

Рис. 11. Могильник Уелги. 1 – курган 32, погребение 11. 1 – фрагмент пояса; 2 – реконструкция; 3 – фрагмент погребения

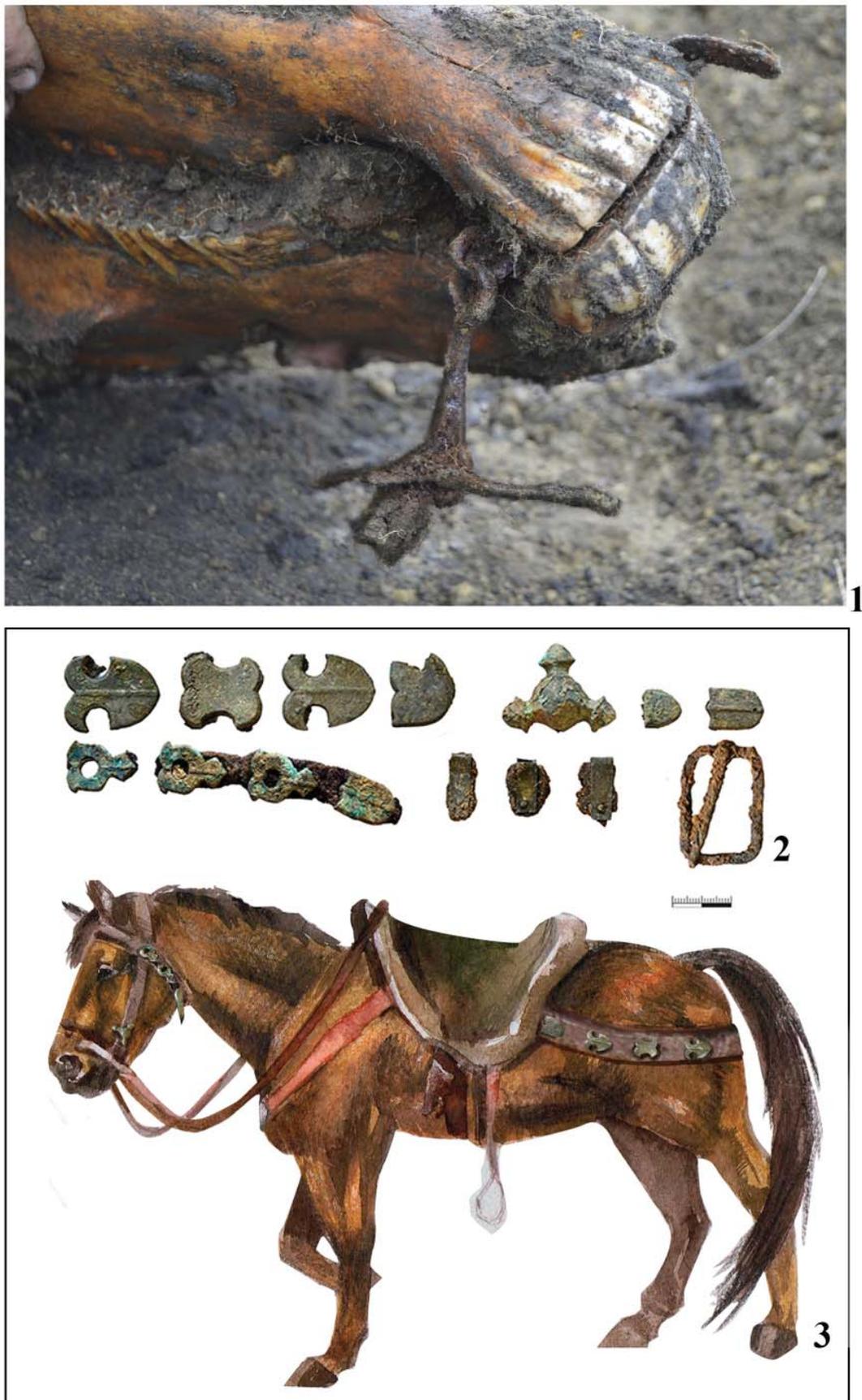

Рис. 12. Могильник Уелги. 1 – курган 32, погребение лошади (фрагмент); 2 – ременная гарнитура узды (кожа, бронза); 3 – реконструкция

Рис. 13. Синеглазовские курганы. I – погребение; II – вещевой инвентарь (1–29, 30 – серебро, бронза; 31, 34 – железо; 32 – серебро, дерево; 33 – серебро с позолотой); III – остатки шелкового халата; IV – реконструкция

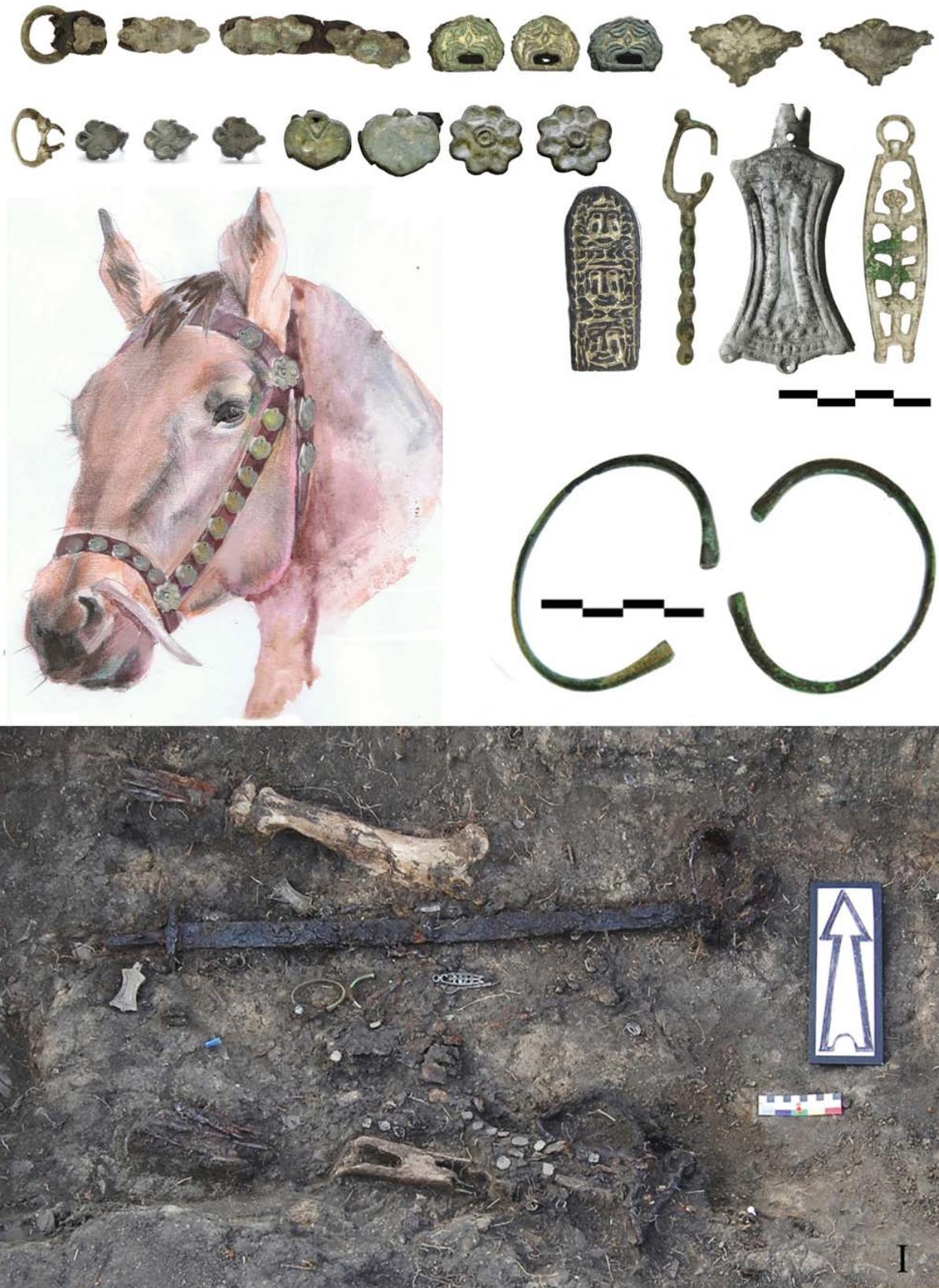

Рис. 14. Могильник Уелги. Курган 29. «Тайник». 1 – вещевой набор; 2 – реконструкция узды; 3 – фото «тайника».

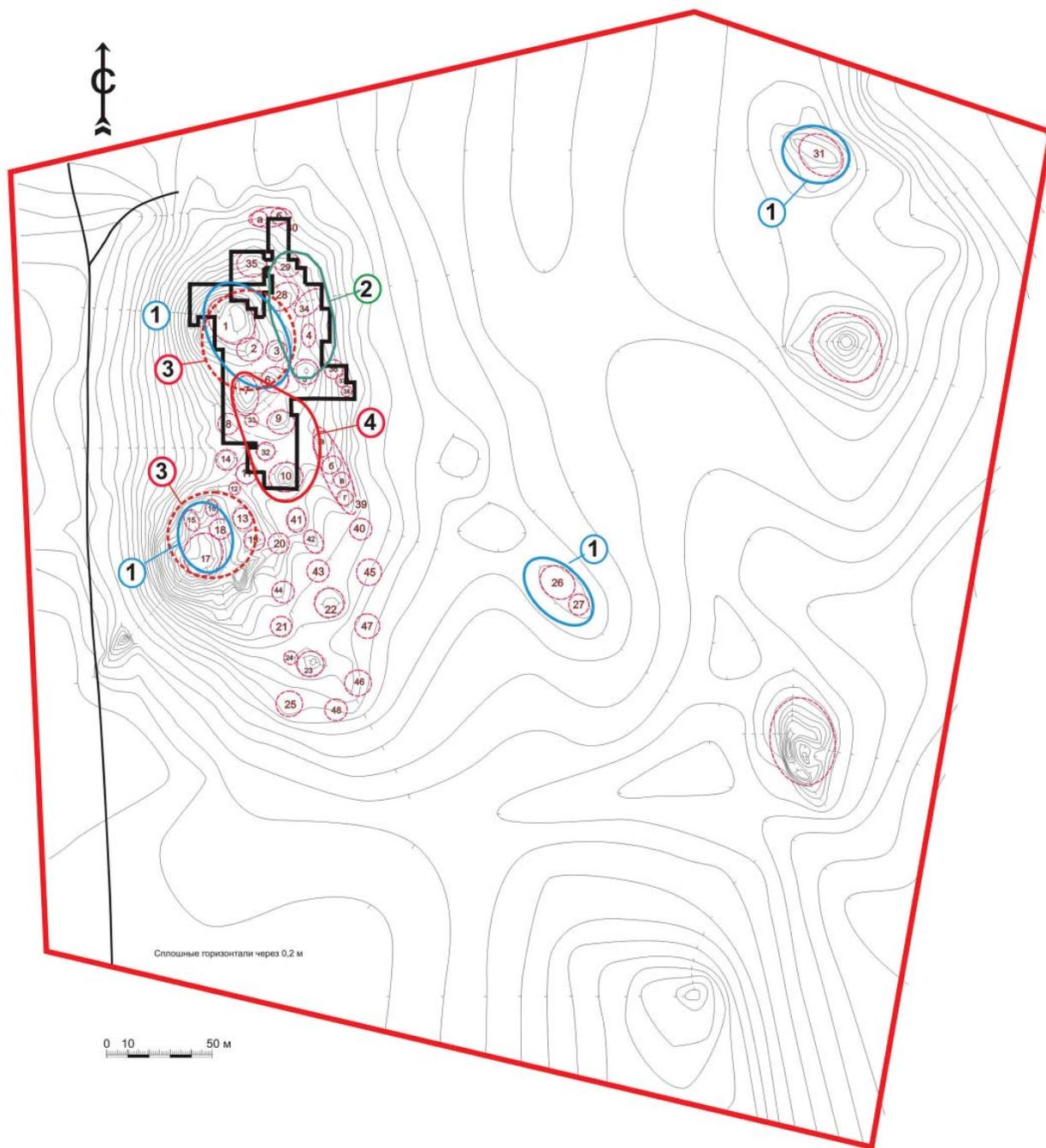

Рис. 15. Могильник Уелги. Расположение культурно-хронологических групп по горизонтам. Верхний горизонт: 1 – алтайский (кыпчакско-кыргызский) (X–XI вв.), 4-я стилистическая группа; 2 – угорский (юдинско-петрогромский) (X–XI вв.), 5-я стилистическая группа; Средний горизонт: 3 – мадыарский (X в.), 3-я стилистическая группа; Нижний горизонт: 4 – урало-казахстанский (кушнареновско-караякуповский), IX–X вв. 1-я и 2-я стилистические группы